

Ольга Раудина

ЧУВСТВУЙ

16+

Ольга Раудина

Чувствуй

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Раудина О.

Чувствуй / О. Раудина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Я чувствую. Ты чувствуешь. Чувствуешь боль, радость, страх, окрылённость. Любовь. "Чувствуй" - это пять рассказов о чувствах, которые испытывал каждый; о робких школьных признаниях; о любви, которая прячет в клетку и не даёт выбраться; о сомнениях, смелости и искренности.

Содержание

Блёстки	5
Осень	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Блёстки

4 ноября 2019 год

В полутьме банкетного зала много людей, много спрятанного под столом алкоголя и мало кислорода. Внутри – желание идти. Куда – непонятно. Его утаскивают в круг. Он танцует, прыгает, обнимается с пьяным другом, почти падает вместе с ним. Смеётся, пока пытается его поднять. Счастлив. Он счастлив.

Но всё будто через туман. Через призму пульсирующей в голове боли, выпитой бутылки коньяка и отзвуков попсы из огромных колонок. И желания идти. Он счастлив.

Он счастлив.

Он счастлив.

Он должен быть полностью счастлив, без но, хотя бы пару мгновений.

Но вот перед глазами скользит краешек блестящего платья...

Его снова тянут – в центр круга и в туманную явь, полную смеха и музыки. Он старается отключиться, раствориться в этих звуках и дать волю ногам. Танцует едва не вприсядку. Улыбается, вместе со всеми орёт простенькие тексты на простенькую мелодию. Ему хорошо.

Рядом вьётся девчонка из параллельного в жутко короткой юбке из черной кожи с разноцветными бликами. Майка в золотистых пайетках, прилепленные на щеки стразы. Она выпускница. Ей всё можно.

Они все сегодня свободны. Один вечер. Одну ночь.

Он бросает на неё короткий взгляд. Блёстки... Ей они не идут.

Притуплённое, загнанное глубоко внутрь желание идти вспыхивает снова. Он вырывается из круга быстро, резко, чтобы не было времени на сомнение. Сомнение и страх перед тем, что предстоит.

В банкетном зале хаотично кучкуются люди. Недалеко от круга выпускников танцуют родители, собираясь по парам или в маленькие компании. Её блестящего платья среди них нет.

Он окидывает взглядом столы. Тарелки с недоеденным горячим, алое пятно пролитого вина на белой скатерти, одинокая кружка чая среди фужеров с остатками шампанского на дне. За дальним столом, развалившись на плетёном стуле, мирно сопит пай-мальчик со съехавшими по диагонали очками. Но её нигде нет.

Душно. Желание идти к ней, найти её и страх усиливают головную боль. Он начинает злиться. Признаться хочется не потому что чувствуешь, а чтобы наконец отделаться от мысли, «проглотить таблетку». Это неправильно.

Он буквально выталкивает себя на улицу. По коже пробегают мурашки от непривычной тишины и прохлады. Хорошо, что захватил пиджак, оставленный на стуле ещё в начале вечера.

Боль быстро стихает, когда он закрывает глаза. Лёгкий привкус воды в воздухе, запах зелени и ночь окутывают спокойствием. Сейчас время как будто остановилось, замерло кристаллами вокруг, оберегая его от волнений. Ему больше не страшно.

Он вспоминает школьные будни, полные ворчания, весёлых перемен и желания приблизить каникулы. Теперь в прошлом. Теперь школа в прошлом, но осознание пока не пришло. Сегодня он в безвременье, не школьник и не студент. Просто парень. Парень в кругу близких, наслаждающийся мигом беззаботности и вседозволенности. Влюбленный.

Слышится её смех. Не звон колокольчиков, не весенняя мелодия капли или пение птиц. Смех. Обыкновенный девичий смех. Такой близкий, понятный, родной. Не сразу он понимает, что смех звучит в реальности, а не в его воспоминаниях.

Когда он открывает глаза, голова больше не кружится, не болит, а мир рисуется более чётким и ярким, чем обычно. Чёрная ночь с тёмно-изумрудными пятнами деревьев и мелкой россыпью звёзд – точно блёстки – в вышине. Лёгкий ветер остужает горящие щёки. Отзвуки

музыки похожи на фоновую заставку, очень тихую и плохо подобранную. Здесь хорошо. Здесь хочется остаться надолго... или хотя бы до рассвета. Чтобы потом смотреть, думать, понимать, что праздновали всю ночь. Что в первый и последний раз собрались вот так все вместе, одной большой школьной семьёй. Что это рубеж, что теперь всё будет по-новому... Думать и смотреть на растекающиеся по небу розовые, жёлтые краски. Но рассвет часа через два-три, и этого времени слишком мало. Тогда лучше уж навсегда.

Времени мало. Времени мало. Времени мало.

Если не скажет сейчас, потеряет всё: драгоценные минуты, момент, решительность, смелость... Он до конца жизни будет корить себя, если не скажет сегодня. Выпускные же и придуманы отчасти для последних признаний, первых поцелуев, долгих объятий.

Найти её было просто: идти на смех, не сворачивая. Её так некстати обступили подруги. Пышные платья, усыпанные искусственными цветочками, обмотанные прозрачной сеткой, самых разных цветов, которые потемнели сейчас и казались одной тёмно-серой массой с оттенками. Они обнимались, поправляли причёски себе и друг другу, шептались и снова заливались смехом. Они клялись, что расстояние ничего не изменит, что раз они в одном городе, то будут встречаться часто и продолжат дружить, как раньше.

Неприятное чувство лживости этих слов заставило его поморщиться. Интуитивно он чувствовал, что клятва будет нарушена, нарушена обязательно и в первый же месяц учёбы в вузе. Он знал, что для некоторых из них это станет ударом. И вспоминал слова родителей о том, что это нормально. Что это жизнь.

Интересно, он будет видеться с ней?

Стоило ему подойти ближе к укромному закутку над рекой, огороженному периллами, как смех затих. Новые шёпотки. Смех. И девушки, как по команде, развернулись. Одна из них противно хихикает, вторая играет бровями, третья якобы незаметно машет подругам в сторону банкетного зала. Она приветливо улыбается, как улыбается всем и всегда. Иногда он воображает, будто для него улыбка другая, более приветливая, более нежная.

Её подруги уходят быстро. Их поразительное умение видеть во всём романтический подтекст играет сегодня на руку. Он боится, что она сейчас уйдет за ними. Ошибается.

– Тоже решил проветриться?

Он кивает, становится рядом с ней, облокотившись на перилла.

– Как тебе концерт?

– Я уже плохо его помню, – с усмешкой признаётся он, вызывая на её лице новую улыбку.

– Я тоже. Как будто неделю назад было...

Пока она рассказывает о том, что больше всего запомнилось из официальной части, о том, как хорошо все выступили на сцене, какие они молодцы и как она всеми восхищается, он украдкой рассматривает её счастливое лицо и вновь удивляется этой искренности, какой-то почти детской эмоциональности. Её иногда просят быть спокойнее – и это кажется огромной глупостью.

– Ты здорово читал стихи, – она поднимает взгляд, одаривает его тёплой улыбкой. Совершенно особенной – на этот раз точно особенной, он в этом уверен.

Он смотрит на неё сверху вниз. В сложной причёске прячутся маленькие кристаллики, блестящие звёздной пылью тени подчеркивают большие глаза – их не портит даже слегка растёкшаяся тушь – а тёмно-синее платье, кажущееся в ночи чёрным, мягко переливается при каждом её движении. Ей идут блески. Идут, потому что она сама светится изнутри.

Они молчат пару минут. Она смотрит вдаль, задумчиво, постепенно затухая. Он видит мурашки на обнажённых руках и шее, ниже и тут же отводит взгляд и снимает пиджак.

– Я не замёрзла, – возражает она, почувствовав прикосновение тёплой ткани к плечам. Но пиджак не отдаёт. – Но теперь тебе будет холодно.

– Меня греет изнутри, – усмехается, а внутри всё дрожит. Сейчас, кажется, подходящий момент.

– Не так уж много ты выпил.

– Ты просто плохо за мной следила, – нужно собраться. Осмелиться. В конце концов, это просто пара слов...

– Эх, а я старалась, – вздыхает она театрально, снова начиная светиться, снова улыбаясь.

Пора. Даже если она не разделяет его чувств, она не из тех, кто будет смеяться или прогонит. Она всё поймёт. Она всегда понимает...

– Слушай, как ты думаешь, – очень тихо, вмиг посерьёзнев, спрашивает она, глядя на воду. Он замирает, – мы все будем встречаться вне школы? Гулять, ходить в кино?.. Мне страшно, я не хочу, чтобы всё заканчивалось.

– Почему ты решила, что всё закончится? Всё зависит от нас... – но замолкает тут же.

Она улыбается как-то горько и безнадежно. Опускает взгляд, рассматривая блёстки на юбке, потом поворачивается к нему. Слёз в её глазах он в этот вечер не видел: ни когда благодарили учителей, ни когда прощались со школой и уезжали из неё в банкетный зал, ни на тостах за столом... Но сейчас она едва держится, чтобы не размазать тушь до конца.

– Да, от нас, – горько усмехается и проговаривает, уже без слёз, но с холодной безнадежностью. – Исчезнем из жизни друг друга, будем сами по себе.

Они стоят близко, но она делает к нему ещё пару шагов, касаясь его брюк краем пышной юбки. И он, обескураженный доверием, откровением и собственной смелостью, её обнимает. Очень нежно и осторожно касается ладонями предплечий, потом спины, легонько прижимает к себе. Она такая маленькая, такая тёплая... Куда она может исчезнуть?

Прислушиваясь к далёкому грохотанию музыки, они стоят так совсем недолго. Но эти прикосновения он запомнит на всю жизнь... Так, по крайней мере, кажется сейчас.

Она успокаивается быстро – всё-таки праздник – и, выпутываясь из его объятий, предлагает:

– Перейдём на чай? От шампанского болит голова...

Он кивает. Ему тоже на сегодня хватит крепких напитков.

Через год, на вечере встреч, он по-прежнему в пиджаке, на её глазах по-прежнему блестящие тени.

Больше они не виделись – не до, не после.

Осень

2 декабря 2018

В опустевшей вдруг квартире – ни звука. На одеревеневших ногах она идёт в спальню... Осень каждый год наступает на сердце, давит его каблуками, рвёт в клочья, а потом исцеляет крепкими объятьями и долгими поцелуями. Ежегодная сладкая пытка.

Он приходил в пять утра. Просто возникал на пороге квартиры 64, улыбочивый и немного растрёпанный. Приносил запах солнца, тёплой сухой земли и спелых фруктов. Она пропускала его в крошечную прихожую.

В кухне она наливала зелёный чай в большую кружку, он жаловался на то, что она снова не испекла шарлотку. Улыбался, когда она, смеясь, отвечала, что урожай ещё не собрали. Рассказывал о том, где был эти долгие девять месяцев, что видел, с кем познакомился. Эти истории были похожи на выдумку, но она верила. Знала, что его жизнь – одни сплошные выдуманные истории, произошедшие в реальности каким-то странным образом, словно по чьей-то ошибке.

Она сидела напротив, время от времени кипятила чайник и доливала кипятка в кружку. Не отводила взгляда от рыже-каштановых веснушек на его носу и щеках, смягчающих острые черты лица и пугающую черноту глаз.

Потом он замолкал надолго. Пока не восстановится дыхание от бесконечных поцелуев и крепких объятий. Они оба скучали друг по другу.

Днём квартира 64 обычно была пуста. Они гуляли по городу, улыбочивые, счастливые. Он любит фотографировать, у него сотни её снимков. А его нет ни на одной фотографии, которые развешены на стене в её гостиной. Он – только её. О нём не знает никто. Никогда не узнает.

Они проводили часы в парке. Их уголок – самый дальний, там, где стоит одинокая деревянная лавочка со спинкой. Он лежал на её коленях, ловил руками золотистые листья.

– Пушкин тоже листья ловил. Или Есенин... Не помню. Слушай, а вдруг они прямо на листьях стихи писали?

– И конечно носили с собой пузырек чернил.

– Может, не чернилами?..

– Чем тогда, кровью?

Он опустил руки, большой желтый лист в коричневых пятнах упал на лицо, закрывая глаза. Она видела только губы, растянувшиеся в смущенно-виноватой улыбке. Молчание. Потом он убрал лист с лица, положил ей на голову.

– Не говори так.

Она вздрогнула, вспомнив, что он потом будет говорить так же.

Ночи были уже холодными, но им не было холодно под тонким одеялом. Просыпаясь в полночь, он долго смотрел на её раскиданные по подушке волосы, казавшиеся чёрными в темноте. Иногда, если совсем не спалось, он осторожно заплетал их в косички. Она будет злиться утром, такая милая и забавная. Но это будет позже.

Сейчас же он прижимал её к себе, вскользь касаясь обнаженного плеча подушечками пальцев. От неё пахло мёдом, и этот запах мешался с запахом спелых фруктов. Она, проснувшись, тянулась за поцелуем. Ей было всё равно, что будет потом, она старалась об этом не думать. Сейчас были только они, одни в бархате тёмной ночи. ...

Наутро она пекла блины, ставила на стол вазочки с вареньем. Шарлотка как всегда не успела к его пробуждению и тихо сидела в духовке, когда он появился в кухне. Солнечные лучи пробежали по обнаженным плечам и торсу, словно хотели собрать все коричневые точки, которые когда-то подарили.

Она, поставив перед ним большую кружку золотистого чая, ворчала по привычке, что он, наверное, забыл о расческе ещё в начале своей долгой жизни. Он ухмылялся, притягивал за талию к себе и, глядя снизу вверх, довольно шурясь, говорил, что ночью ей это нравилось. Она, мягко освобождаясь, возражала, что тогда просто не до этого было.

До обеда они сидели дома. Она писала, а он читал. Советовал, редактировал, спорил. Споры редко превращались в ссору, потому что для ссор у них было слишком мало времени.

– Давай хотя бы здесь они останутся счастливы.

Она ответила, порядком раздраженная его замечаниями и исправлениями. Ответила, и только потом поняла, что именно сказала:

– Ты сам исправил это перед уходом.

Он промолчал, потом очень осторожно положил тетрадь на стол, ушёл на балкон. Ему не хотелось вспоминать то, что он делает с ней перед уходом. Ему не хотелось причинять боль, но это было сильнее его. Он знал, что жестокость и боль – в самой его сущности, крови и костях.

Она приходила к нему через пару минут, дав остыть, укрывала клетчатым пледом. Подумав немного, забирала сигарету, затягивалась.

Холодало. Времени оставалось всё меньше.

Эти поцелуи на балконе всегда с едким привкусом дыма.

В фотоаппарате заканчивалась память. Целая серия снимков с венком из листьев, таких предсказуемых и ежегодных. Они оба их не любили, но он заставлял её надеть на голову кольцо сплетенных, жухлых, иногда мокрых листьев. Их внешний вид был не так уж и важен. Даже лучше, когда на снимках было видно, как глупо и типично выглядят эти фото.

– Всё как у людей.

Объяснял своё поведение он всегда с улыбкой. Она замечала в глазах грусть, которую он всегда пытался скрыть. Нет, не как у людей. Никогда не было и никогда не будет.

Ветер срывал большие резные листья, швырял на землю. Некоторые из них были ещё целые, золотые, точно живые, а некоторые уже изрезали коричневые морщины. Она пинала шуршащие кучки, мельком рассматривала узоры. Но в глаза бросались детали. То сгнившее с одного бока золото, то черно-бурые пятнышки. Напоминали ей о том, что будет дальше.

Дожди начинали идти чаще, и это казалось веселым – гулять под дождём. Он не признавал зонты. Она иногда брала с собой тонкий красный, но никогда им не пользовалась. Если они попадали под дождь, проще было добежать до подъезда, надеть капюшон...

Это весело. Создаёт иллюзию настоящей жизни.

Если во время дождя им не удавалось добежать до дома, убежищем становились пустой подъезд или беседка на детской площадке. Он распахивал куртку, прижимал её к себе, к тёплому мягкому свитеру вишневого цвета. Она вдыхала запах яблок и мокрых листьев.

Дома она торопилась сварить кофе или горячий шоколад, запекала в микроволновке яблоки с корицей и мёдом. Она знала, что после таких дождливых прогулок он обязательно заболеет – одно и то же, каждый год. Попутно бросала ему плед, рассказывала, где висели его вещи, которые она постирала вчера. Он смеялся, просил, чтобы она сбавила скорость.

Он быстро переодевался, надевал плед на плечи, точно плащ, быстро барабанил пальцами по письменному столу. Звук замирал. В глаза бросилась раскрытая тетрадь, где её ровным

почерком было написано несколько строк на полях – она делала так, когда придумывала что-то и не хотела забыть.

«В сентябре они жили. В октябре – цеплялись за жизнь. В ноябре умирали. Вместе»
Сердце подпрыгнуло в горле.
– Ты переделся? Идём чай пить, шоколад в этот ра!..
В воздухе плыл запах корицы, мешавшийся с острым запахом гнили.

Она просыпалась в полночь. Нехорошее предчувствие холодом скользило по позвоночнику. Открыть глаза было страшно.

– Чего не спишь?
– Холодно.

Она цеплялась за его взгляд – холодный взгляд чёрных глаз. Он сидел, сгорбившись. В слабом свете луны его кожа казалась совсем белой.

– Ложись.

Она легонько касалась его плеча и упрямо тянула назад на подушку. Он перехватывал запястье. Больно.

Утром он вставал охрипший и недовольный. Ему было холодно, он надевал под свитер водолазку, кутался в плед и никак не мог согреться. Ему ничего не хотелось и ничего не нравилось. Он готов был сидеть на диване дни напролёт и смотреть в одну точку, не шевелиться совсем. Только ради неё он соглашался просыпаться, выходить из состояния нахохлившийся птицы и смотреть какую-нибудь ерундовую комедию. Иногда даже снисходил до того, чтобы пускать её к себе под плед.

– Пойдём гулять, когда поправишься, ладно?

И они ходили. Он часто хмурился, слишком крепко сжимал её руку. Она прятала слёзы в уголках глаз и молчала. Знала, что его вины здесь нет.

Он по-прежнему её фотографировал. Делал макроснимки: глаза, губы, волосы, профиль на фоне унылой природы. В этих снимках он находил успокоение. И поэтому соглашался сделать лишний круг по парку, и не так сильно сжимал её руку.

Вечерами она работала над сборником, он или читал её рукописи, или какую-нибудь книгу, которую точно не дочитает. Она писала и думала, что он становится невыносимым. Боялась ночи, боялась холода. Доставала с верхней полки тёплую пижаму. Он криво усмехался. До утра эти вещицы вряд ли доживут.

Вечером они никогда не зажигали верхний свет, обходились светильниками. Он говорил, что когда ослепнет, не сможет найти к ней дорогу и перестанет её мучить. Она в ответ молчала, не зная, как к этому отнесётся. Этот месяц – ад. А как же те, что были до?..

Утром на её теле плеяды синяков. Она просыпалась с одной мыслью: «Холодно». Потом смотрела на него, на длинные дрожащие ресницы, бледные растрескавшиеся губы, белую кожу, потемневшие, почти черные россыпи веснушек. Он был так же прекрасен, лишь красота его теперь другая – холодная, тёмная, опасная.

Он резко открывал глаза и долго, пристально смотрел, изучал каждый изгиб спины и бёдер. Она ёжилась, закрывалась одеялом.

– Прости.

Он больше не вспомнит ночь, не извинится, не постарается загладить вину. Брошенное утром слово – большой подвиг и большое преодоление, когда внутри скрипят зубами демоны. Он старался им сопротивляться. Она ему помогала.

Однажды – в тот день солнце встало рано и светило по-особенному ярко – он проснулся раньше неё, сварил кофе, принёс ей завтрак. Она надолго запомнила тот день: они что-то пекли, смотрели длинный сериал про любовь, смеялись безостановочно. Она не верила их счастью, думала, он наконец справился, изменился навсегда.

А ночью его демоны вернулись.

Несмотря на холод, он выходил курить на балкон. Надев поверх водолазки и свитера куртку, упросив её накрыть его пледом, он подолгу стоял, выпуская изо рта облачка серого дыма. Она всегда выходила с ним, в забавной шапке с помпоном и вязаными варежками. Не отрываясь смотрела на его лицо и думала, какая странная, неправильная, нездоровая эта любовь. Их любовь.

В этот день всегда было пасмурно. Он вставал очень рано, подходил к окну, рассматривал объятые мраком голые деревья, мрачные дома, серо-синее небо с мигающими звёздами. Стоял так, пока не показывалось солнце, не разливалось кровью по небу свой холодный безразличный свет.

Тогда он возвращался к кровати, осторожно садился рядом с ней. За этот месяц она менялась, становилась его отражением. Полная жизни раньше, она теряла румянец и переставала улыбаться во сне. Это он забирал её жизнь. Забирал каждый год.

Синяки от его пальцев, искусанные им губы, засосы на шее и ключицах... Каждый год. Иногда даже на одних тех же местах. Он калечил её.

Калечил не только тело, но и душу. Она теряла какой-то внутренний свет, гасла, больше не смеялась над глупостями. И всегда в этот день – в день, когда её нужно было оставить – он боялся, что когда вернется в следующий раз, то не найдёт её. Боялся, что она потухла навсегда. И он будет виновен, если это случится.

Потом она просыпалась, улыбалась как ни в чем не бывало, шла готовить завтрак. Они не говорили о скорой разлуке. Молчали почти весь день. Сидели на диване, кутаясь в один плед и читали одну книгу.

В семь часов садились пить чай.

– Я тебя не держу.

– Я знаю.

– Ты свободна.

– Я знаю.

Он поднимал на неё чёрные глаза. Смотрел мягко, благодарно, и было в его взгляде что-то ещё, тайное, сокровенное и очень дорогое.

– Следующий год...

–... надеюсь, будет менее дождливым.

– Я могу не приходить, если хочешь.

Широко распахивала глаза, полные слёз. Она молчала, но он знал ответ: «Я буду ждать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.